

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Художественное оформление серии *Сергея Груздева*

Вересков, Сергей.
В31 Шесть дней / Сергей Вересков. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.
ISBN 978-5-04-109917-6

Про роман «Шесть дней» нельзя сказать однозначно. Например, что это «роман взросления» — герой-то уже взрослый. Или что это travel story — потому что путешествуют тут поневоле и скорее не в пространстве, а внутри себя. Это и не любовный роман — не любовная лихорадка гложет героя. Молодой писатель Сергей Вересков написал роман о матери, хотя читателю может казаться в разные моменты, что это о романах, путешествиях, детстве и юности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109917-6

© Вересков С., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается моей семье и Сереже Васильеву —
близкому другу и первому читателю романа «Шесть дней»*

*Должно быть, Вы, как я, любите только свое детство:
то, что было тогда. Ничего, пришедшего после, я не полюбила.*

*Из письма Марины Цветаевой
своей подруге, Анне Тесковой*

Кто бы мог подумать: вчера услышала по телевизору, что деменция неслучайна – в том смысле, что природа изобрела ее специально, из милосердия к человеку. «Почему же из милосердия?» – спрашивает журналист у врача. А он отвечает, что деменция готовит человека к смерти. Облегчает ему жизнь – чтобы не так страшно было умирать, чтобы он и сам не понимал, что с ним вообще происходит – где он, кто он, какая это комната, простите, не подскажете? Забывал бы имена, места, близких родственников. В общем, был бы сомнамбулой в тумане; по правде сказать, в таком состоянии не так уж страшно умирать. «Однако, – оговорился врач, – иногда природа ошибается, и деменция возникает у здорового человека, который и умирать-то еще не планирует. Вот это действительно очень обидно». Конечно, обидно: ничего человеческого в тебе не осталось, а жизнь все равно продолжается.

Сергей Вересков

Еще обидно, когда бывает наоборот: человек смертельно болен, а деменции нет и нет. Мой отец так умирал — все понимал до самой последней минуты. Мучился ужасно, вспоминал, как пролетела жизнь, что не сделал того и этого, что прикован к коляске. На это было неловко смотреть. И, спрашивается, где была деменция, а? Мне бы не хотелось так заканчивать. Хотя у деменции есть свои недостатки — одно дело, когда ты просто все забываешь, а другое, когда сходишь с ума и начинаешь видеть то, чего нет. Наша соседка по коммуналке была как раз из таких. До сих пор помню, как в детстве она пугала меня своими рассказами — все говорила, что к ней постоянно ходят какие-то черные женщины, бьют ее, унижают. Говорила, что они залезают к ней по ночам через окно и до утра мучают — это было пятьдесят с лишним лет назад, но я до сих пор помню ее сморщенное испуганное лицо, с которым она об этом рассказывала.

А однажды вечером я пошла в туалет, и она набросилась на меня сзади, обвила руками шею, стала душить — она шептала, что больше не даст себя мучить и разделается со мной. Щеки у нее были мокрыми от слез, а изо рта пахло гнилью и вареной курицей. Я кричала, стараясь отбиться, но только мама меня освободила — она прибежала на крик и со всей силы дала старухе пощечину, так что та упала на пол и завопила. На сле-

Шесть дней

дующий день щека у нее распухла, левый глаз заплыл синевой — она ударилась об угол, когда падала. Мне было жаль ее, я хотела к ней зайти и посидеть рядом, сыграть в карты, но мама запретила. Сейчас мне лет на пятнадцать меньше, чем старухе тогда — ей было восемьдесят, кажется, или восемьдесят пять.

Все в той же вчерашней статье я прочитала, что в моем возрасте деменция уже может возникнуть, — меня это так поразило, что я даже сбегала в магазин и купила себе толстую тетрадку для ведения дневника: интересно, в случае чего, по нему можно будет потом определить, в какой момент что-то пошло не так? Еще до замужества мне нравилось вести дневник. У меня были толстые синие тетрадки, и вот сейчас я тоже купила толстую синюю тетрадь — синий и голубой всегда были моими любимыми цветами. Конечно, после рождения Саши я забросила это дело, ведь когда есть семья, то времени на жизнь не остается — на свою жизнь, я имею в виду.

Но теперь свободное время появилось — к тому же для первой записи есть отличный повод: вчера утром я сдавала анализы на рак. После диспансеризации в районной поликлинике знакомому врачу что-то во мне не понравилось — то ли в моей крови, то ли в моем цвете лица (я и правда уже несколько месяцев выгляжу не очень), то ли в жалобах на желудок, и она,

Сергей Вересков

цокнув языком, отправила меня проходить все круги ада, один за другим. Брать направления, слоняться по кабинетам, ехать, наконец, в институт Герцена, как в последнюю инстанцию для таких, как я. Неприятное место, хотя дом и старинный, красивый, а все равно вывеска «онкологический институт» его портит.

Результатов ждать всего пару дней – не так уж долго, как мне показалось сначала, а теперь вот сижу и мучаюсь: чем же себя занять, как скоротать время? А главное, невозможно перестать думать, будут хорошие или плохие результаты, и если плохие, то насколько плохие? Конечно, в уме я прокручиваю все сценарии, даже самый неприятный – и вот, думая об этом *нежелательном варианте*, начинаю чувствовать тошноту, а затем боль внизу живота, которая накатывает на меня волнами. Ну, снова началось, прямо сейчас. От этой ноющей боли мне делается страшно, кружится голова, и я заставляю себя не думать о Саше, хотя это почти невозможно. Но я знаю, так надо – моей жалости не хватит на нас обоих. Хорошо, что я отправила его в поездку, пусть побудет подальше от Москвы.

Единственный вопрос, который остается в голове, когда приступ страха проходит, очень простой: хватит ли сил, чтобы справиться с этим *нежелательным вариантом*, если он случится? В голове проносится все, что я знаю о раке (что это очень больно и очень унижительно), и я понимаю, что у меня нет на него ответа.

1

Саше Негину 33 года. Он ехал в Сочи в полном одиночестве – выкупил целое купе, чтобы не знакомиться со случайными людьми: он не любил вести пустые разговоры, слушать чужую музыку, мириться с раздражающим ночным храпом. Самолет тоже не был сейчас подходящим вариантом: в детстве они с матерью обычно путешествовали на поезде, и он хотел вспомнить, как это было. Он давно планировал совершить ностальгическую поездку, но все не решался, а тут жизнь сама подтолкнула его к этому шагу. У мамы несколько лет назад в городке под Сочи умерла тетка, с которой они почти не общались, и, так как у престарелой родственницы не было детей, квартира по наследству досталась им. Мама еще тогда собиралась ее продать, но постоянно находились поводы, чтобы повременить с этим. Вот, например, сейчас она снова занялась своим здоровьем – решила сделать несколько обследований – и с квартирой предоставила разобраться Саше. «Иначе она просто утонет в пыли и

Сергей Вересков

плесени, или дом рухнет, в конце концов. В любом случае, денег мы уже не получим», — сказала она, с облегчением перекладывая на Сашу квартирные хлопоты.

Он вспоминал об этом, привалившись к окну: в купе стоял знакомый сладковатый запах, смешанный с запахом свежего белья. Под лязганье колес Саша смотрел то на пляшущее в углу солнце, прерываемое тенями от электрических столбов, то на свое отражение в окне, словно бы плывшее по голубым и зеленым деревенским домам, по желтым полям, по серым неузнанным платформам.

На вокзал он добирался один — провожать его было некому: с Ларой он давно расстался. Никто так долго, как она, — целых три года — не продержался рядом с ним, терпя его невыносимо ровный, если не сказать равнодушный, характер. Только Лара, только она. Своевольная и живая, со вздернутым смешным носом. Когда они прощались у него дома, она все стояла между лестничной площадкой и холлом, не решаясь совсем выйти, как бы зависнув между мирами, — говорила, что еще позвонит (и звонила), называла подлецом и «моим единственным». Саша слушал все это с тоской, но так и не смог придумать никаких новых причин для расставания, а просто еще раз попросил

Шесть дней

уйти: «Иди, Лара, иди, я знаю, у тебя сегодня еще много дел — и у меня, кстати, тоже».

— Чай или кофе? — проводница постучала в дверь и пробубнила тяжелым голосом. — Не хотите кофе? Или, может, чаю. — Снова крепкий стук в дверь. — Чай вкусный очень. Очень вкусный чай. Я советую! — закричала проводница, но Саша ничего не ответил, и она удалилась, напоследок с удовольствием ударив ладонью по двери.

Сашина мама всегда была рачительной женщиной и потому в дороге редко что-то покупала, все необходимое она брала с собой. Чайные пакетики, термос, кипятильник, вареную картошку, сосиски, колбасу кругляками, ветчину, яйца, мягкие бананы, яблоки с коричневыми подтеками, нарезанный кусками торт «Ленинградский» — все это она умудрялась сложить в аккуратную кожаную сумку, которую сама несла до вокзала, приглядывая одновременно за сыном и мужем. Она всегда следила за временем и никогда никуда не опаздывала, а больше всего в людях не любила безответственность. Своим характером, даже не желая того, она изводила себя и близких и мучилась от окружавшего ее несовершенства.

Достав бутерброды и термос, Саша поужинал в тишине — солнце за окном почти исчезло, а тени достигли горизонта.

Сергей Вересков

В детстве он любил смотреть в окно и, пока мама читала какую-нибудь книгу в мягком переплете, пока разгадывала кроссворды, мог часами наблюдать за уносящимся пейзажем, то засыпая, то опять просыпаясь: его завораживало, что поезд мчится посреди неизвестности, как бы выхватывая из небытия отдельные картины и показывая их ему. Порой он думал, что ни за что на свете не согласился бы жить в одной из глухих деревенок, мимо которых проносился поезд, а иногда, наоборот, хотел поселиться там — особенно когда в окне уже виднелись горы, тут и там усеянные крохотными белыми домиками.

Умение занять себя делом пригодились Саше. Маме требовался отдых, так что в меру собственных сил она старалась расслабиться, а отца рядом не было — он с ними почти никогда не ездил на юг. Путевки маме давали только на двоих, доплачивать за поездки отец не хотел, поэтому оставался дома, беря дополнительную работу или отправляясь к теще в деревню. С попутчиками мама не заводила дружбу, не желая тратить времени на разговоры, и поэтому Саша тоже редко общался с детьми случайных соседей.

Вспоминая все это, он задремал, а когда проснулся, то не сразу понял, где находится: в купе было темно, лишь уличные

Шесть дней

фонари скользили по стенам: раз-раз, раз-раз, раз-раз. Вдруг на столик опустилась рука со стаканом воды, и Саша понял, что напротив него кто-то сидит – это была женщина, она смотрела прямо перед собой и была одета в темную водолазку и свободный черный кардиган: на виду оставались только ее лицо и тонкие кисти рук.

– Вы кто? – откашлявшись, спросил Саша и поправил на себе одежду.

– Лена, – неуверенно сказала она. – Да, определенно, Лена. Приятно познакомиться. – Она привстала, одернув водолазку, и протянула ему руку. – А вы как же? Как вас зовут?

– Александр.

Поезд замедлил движение, и на короткое мгновение в купе установилась абсолютная тишина, что казалось невозможным.

– И что же вы здесь делаете? – спросила она, а потом сама усмехнулась нелепости вопроса. – Вернее, я хотела спросить: и куда вы едете?

– Забавно. Вообще это я хотел вас спросить: и что же вы делаете в моем купе?

– В вашем? То есть все-таки проводница перепутала и поселила меня не туда. А я и не посмотрела на номер – куда сказали, туда и пошла. В моем купе должен был быть всего один